

Изменения аргументной структуры в вымирающем языке: полевые данные ульчского языка*

Н. М. Стойнова
ИРЯ РАН, ИЯз РАН

Change in argument encoding in an endangered language: field-data of Ulcha*

Natalia Stoynova
RLI RAS & IL RAS

Статья посвящена вариативности моделей управления глагола в речи последних носителей ульчского языка (тунгусо-маньчжурские). Все современные носители свободно владеют русским языком и используют его более активно, чем ульчский. В статье рассмотрен вопрос о том, происходит ли в их ульчской речи копирование русских моделей управления. Данные элицитации и сопоставительный материал текстов от разных поколений носителей показывают, что такое синтаксическое копирование действительно имеет место, но в значительно меньшей степени, чем можно было бы ожидать, и часть случаев, которые на первый взгляд кажутся заимствованием русской модели, на самом деле стоит объяснять иначе.

This paper deals with variation in argument encoding in Ulcha (Tungusic) attested across its last speakers. All modern speakers also speak Russian, moreover they use Russian more actively than Ulcha. In this study, I checked whether they copy Russian valency patterns in their Ulcha speech. Elicited data and comparative data from texts created by different generations of Ulcha speakers show that this type of pattern borrowing does occur. However, it is much less widespread than one might expect, and some patterns that at first glance might be considered as copied from Russian, actually turn out to have other motivations.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, русский язык, языковые контакты, языковой сдвиг, заимствование модели, аргументная структура

Keywords: Tungusic languages, Ulcha, Russian, language contact, language

* Исследование поддержано грантом РФФ № 17-18-01649.

* The research was supported by RSF, project № 17-18-01649.

shift, pattern borrowing, argument encoding

1. Введение

Ульчский язык относится к южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, близкий родственник нанайского языка. Распространен в Ульчском районе Хабаровского края. Язык находится под угрозой исчезновения. По данным Переписи-2010, на нем говорит 154 человека, 6% от этнической группы. Все немногочисленные носители – старшего поколения, все владеют русским языком, который используется активнее, чем ульчский (см. [Герасимова 2002]; [Сумбатова, Гусев 2016]).

В работе будет рассмотрена вариативность в глагольном управлении, наблюдаемая в речи современных двуязычных носителей. Можно предположить, что она связана с влиянием русского языка. Так, в (1a) глагол ‘бояться’ управляет инструменталисом, а в (1b) – аккузативом. Модель управления в (1b) могла возникнуть по аналогии с русским.

- (1) a. čagža ura námaul-žǐ ŋǎlə-č-i-ni
белый мука теплый-INS пугаться-ITER-PRS-3SG
‘Белая мука **тепла** (букв. теплым/от теплого) боится’. (petrova_txt)
- b. sulǐ amba-n sǝgžǝm-bǝ ŋǎlə-č-i-ni
лиса черт-3SG красный-ACC пугаться-ITER-PRS-3SG
‘Лиса – злой дух боится **красного**’. (sunik_agv_txt)

Экспансия русских моделей управления в тунгусо-маньчжурских языках отмечалась для эвенкийского [Grenoble 2000], эвенского [Malchukov 2003], нанайского языков [Shagal 2013].

Модели управления глаголов – та область, где заимствование морфосинтаксического образца (pattern borrowing по [Sakel 2007]) легко заметно и кажется не требующим доказательств. В целом, однако, в отличие от материальных заимствований, заимствование образца достаточно сложно отличить от результатов естественного развития языка, см., например, дискуссию в [Thomason 2009; Poplack&Levey 2012; Poplack 2021].

В ситуации языкового сдвига или неполного усвоения языка возникает дополнительная сложность: то, что похоже на заимствование образца, может быть результатом процесса регуляризации, упрощения системы, см. о разграничении этих процессов на материале

вариативности моделей управления во французском языке Онтарио под влиянием доминирующего английского в [Mougeon et al. 2005].

Отдельный вопрос – наблюдая копирование русской модели управления, имеем ли мы дело с устойчивым изменением в языковой системе (собственно заимствованием) или с фактом о конкретном носителе и/или конкретной коммуникативной ситуации – «динамической интерференцией» в терминах [Paradis 1993]; [Grosjean 1989; 2001], или «межъязыковым праймингом» по [Loebell, Vock 2003].

В контексте вышесказанного я постараюсь ответить на следующие вопросы. Есть ли копирование русских моделей управления в современном ульчском языке или за наблюдаемой вариативностью стоит что-то иное? Если есть, то насколько оно устойчивое, можно ли считать эти модели управления частью ульчской грамматики? Насколько ульчская система кодирования аргументов и, шире, грамматика современных носителей в целом подвержена влиянию русской?

Вариативность моделей управления будет рассмотрена на материале двух типов – элицитированных данных от нескольких носителей разного возраста, раздел 2, и данных текстов разного времени, раздел 3. Раздел 4 содержит обобщения и выводы.

2. Данные элицитации

В работе использованы данные по двух- и трехместным предикатам. По двухместным предикатам была собрана типологическая анкета С. С. Сая [Say 2020], www.bivaltyp.info – 108 контекстов. Анкета по трехвалентным предикатам основана на типологической анкете [Comrie et al. 2010] – 62 предложения (в некоторых предикаты повторяются). Анкеты собраны от нескольких носителей самого старшего (1930-е г.р.) и самого младшего поколения (1950-е г.р.), см. Таблицу 1.

Таблица 1. Данные элицитации: носители

носитель	г.р.	анкета по двухвалентным предикатам	анкета по трехвалентным предикатам
gip	1934	нет	да
tsd	1937	да	да
lpd	1939	фрагментарно	нет
nak	1956	фрагментарно	нет
ipr	1957	да	да

Носителю предлагалось перевести предложение с русского языка. Записывались все предложенные варианты, оценивать альтернативные предложенным варианты перевода носителя не просили.

Вариативность, обнаруженная при элицитации, иллюстрируется в (2).

(2) ‘Девочка показала мальчику своего котенка’. (3_val: 25)

а. əktə piktə ičə-wəp-či-ni nučikə kəskə-wə
 женщина ребенок видеть-CAUS-PST-3SG маленький кошка-ACC
 xusə piktə-wə /piktə-**du**
 мужчина ребенок-ACC ребенок-DAT (elicit., gir) – аккузатив ~

датов

б. əktə piktə mən kəskə piktə-wə-n
 женщина ребенок сам кошка ребенок-ACC-REFL.SG
 xusə piktə-**du** ičə-wəp-či-n
 мужчина ребенок-DAT видеть-CAUS-PST-3SG – (elicit., ipr) – датив

в. əktə piktə xusə piktə-**ti**
 женщина ребенок мужчина ребенок-LAT
 ičə-wəp-či-ni kəskə piktə-wə-ni
 видеть-CAUS-PST-3SG кошка ребенок-ACC-3SG (elicit., tsd) –

латив

Носитель gir предлагает два варианта кодирования одушевленного участника ситуации ‘показывать’ (букв. видеть-CAUS ‘заставлять видеть’). Первый вариант – с аккузативом. Аккузативом стандартно маркируется участник-каузируемый при глаголах с каузативным суффиксом, поэтому такой вариант есть основания считать исконным. Второй вариант – с дативом, как в русском языке. Этот же вариант, в качестве единственного, предлагает более молодой носитель ipr. Носитель tsd предлагает еще один вариант – с лативом (букв. ‘показывать к кому’): это вариативность, явно не связанная с русским влиянием.

В Таблице 2 показано количество предикатов, для которых засвидетельствована вариативность, предположительно возникающая под влиянием русского языка (как в 2 а и 2б).

Таблица 2. Данные элицитации: предикаты с вариативностью

	двухвалентные		трехвалентные	
вариативность	10	9,26%	28	40,32%
без вариативности	69	63,89%	29	51,61%
NA	29	26,85%	5	8,06%

всего	108	100,00%	62	100,00%
-------	-----	---------	----	---------

*в столбец «вариативность» попали в т.ч. контексты, для которых несколько вариантов было предложено одним и тем же носителем (как в 2а)

** в столбце «вариативность» учтена только такая вариативность, при которой один из вариантов идентичен или похож на русский (как в (2b), но не как в (2c))

***NA – данные получены только от одного носителя или разные носители использовали разные глаголы

В выборке двухвалентных предикатов интересующей нас вариативности неожиданно мало. В выборке трехвалентных предикатов – больше, но разница связана, видимо, только с тем, что для трехвалентных глаголов больше позиций для вариативности, и с тем, что контексты в этой анкете были более однотипны (в т.ч. с повторяющимися предикатами).

В Таблицах 3 и 4 показано, какие носители склонны выбирать модель управления, характерную для русского языка, а какие нет.

Таблица 3. Двухвалентные предикаты с вариативностью: сравнение носителей

код_г.р.	tsd_1937	lpd_1939	nak_1956	ipr_1957
русская модель	4	1	1	6
тунгусская модель	5	3	5	2
NA	0	5	3	1

Таблица 4. Трехвалентные предикаты с вариативностью: сравнение носителей

код_г.р.	gip_1934	tsd_1937	ipr_1957
русская модель	12	1	16
тунгусская модель	12	17	4
NA	1	7	5

*NA – от носителя не собран этот контекст, или носитель использовал другой глагол

Для сравнения носителей данных недостаточно, однако некоторые наблюдения сделать можно. Данные по трехвалентным предикатам более последовательны: у самого молодого носителя больше всего

употреблений с русской моделью, у двух старших носителей – меньше. Данные по двухвалентным предикатам, собранные от большего числа носителей (но с меньшим количеством глаголов), дают более сложную картину: наиболее склонен к употреблению русской модели тот же молодой носитель *ipr*, но его ровесница *pak*, наоборот, устойчиво употребляет тунгусскую, по-разному ведут себя и носители одного поколения *lpr* и *tst*.

3. Данные текстов

В исследовании использованы тексты из четырех коллекций: опубликованные тексты из [Петрова 1936]; [Суник 1985], архивные записи Л. И. Сем, записи Е. Ю. Калининой и др. и наши собственные записи. Из текстов была извлечены все употребления 23 глаголов с вариативностью модели управления (3090 употр.). Глаголы были отобраны на основе данных анкет (см. выше) и полевых наблюдений, для анализа были взяты только те примеры, в которых выражены интересующие нас аргументы, – всего 752 употребления.

Примеры принадлежат 47 носителям с 1880 по 1957 г.р. Я условно разделила их на две группы – «старших» и «младших» – по 1920 г.р. Носители до 1920 г.р., если и знали русский, то освоили его уже в относительно взрослом возрасте как второй язык. В их речи копирования русской модели не ожидается. Носители начиная с 1920 г.р. имели возможность столкнуться с русским языком уже в детстве и слышали его все больше на протяжении жизни, для них можно ожидать копирование русской модели.

Следовательно, если модель управления, похожая на русскую, находится только в текстах от младших носителей, то перед нами действительно структурное влияние русского языка. Если же она с равной частотой обнаруживается и в ранних, и в поздних текстах, то совпадение случайно и вариативность была исходно присуща ульчской системе. Ниже я рассмотрю глаголы с участником – адресатом речи, а по остальным дам общие подсчеты.

При глаголах речи *wən-* ‘говорить’, *aldači-* ‘рассказывать’, *paŋsi-* ‘спрашивать’, *gələ-* ‘просить’, а также некоторых других семантически близких глаголах адресат может выражаться формой латива (‘говорить к кому’), (3a), (4a). При этом фиксируется и модель управления, похожая на русскую – датив для ‘говорить’, ‘рассказывать’ (3b), аккумулятив для ‘просить’ и ‘спрашивать’ (4b).

- (3) a. әһә min-**ti** aldači-xa-n
 мать я-LAT рассказывать-PST-3SG
 ‘Мать **мне** рассказывала...’ (oax_txt)
- b. ti-wa=gdə mun-**du** aldač-i-n
 этот-ACC=PTCL мы-DAT рассказывать-PRS-3SG
 ‘**Нам** это рассказывает...’ (nk_kalinina_txt)
- (4) a. tapı әһә-**ti** paŋsa-xam
 потом мать-LAT спрашивать-PST.1SG
 ‘Потом я **мать** спросила...’ (oax_txt)
- b. mum-**bə** paŋs-i-t=guni paldun
 мы-ACC спрашивать-PRS-3PL=ведь иногда
 ‘**Нас**, конечно, иногда спрашивают...’ (spd_txt)

Для глаголов типа ‘говорить’ датив на месте латива действительно появляется только у младших носителей и, видимо, под русским влиянием. Но интересно, что и в их речи он очень редок, т.е. ульчская модель устойчива. Так, заимствованный глагол *zwoni-* ‘звонить’ ни разу (из 15 употр.) не встретился с русской дативной моделью управления.

Глаголы ‘просить’ и ‘спрашивать’ ведут себя по-разному. Для ‘просить’ «русская» аккумулятивная модель встретила только у младших носителей, причем чаще лативной. А для ‘спрашивать’ она встречается наряду с лативной, и у старших носителей, и ее процент не меняется. Таким образом, для ‘просить’ можно предполагать контактное влияние, а для ‘спрашивать’, видимо, нет.

Количественные данные по этим и по всем другим глаголам, вошедшим в выборку, показаны в Таблице 5. Там же перечислены сами глаголы и их модели управления.

Таблица 5. Текстовые данные по отдельным классам глаголов

класс глагола	модели упр-я (TUNG-RUS)	глаголы	старш ие: TUNG	старш ие: RUS	младш ие: TUNG	младш ие: RUS	старш ие: % RUS	младш ие: % RUS
говорить: кому	LAT-DAT	wəp- ‘говорить’, aldači- ‘рассказывать’, zwoŋi- ‘звонить’, mexoŋaŋ- ‘кланяться’	37	0	97	3	0,00%	3,00%
спрашивать: кого	LAT-ACC	paŋsi-	8	2	23	7	20,00%	23,33%

просить: кого	LAT~ACC	gələ-	13	0	1	5	0,00%	83,33%
помогать: кому	ACC~DAT	bələçi-	5	0	19	4	0,00%	17,39%
кормить&по ить: чем	ACC~INS	žəru-wəp- 'кормить', umi-wap- 'поить'	3	0	8	2	0,00%	20,00%
показывать: кому	ACC/LAT~D AT	iča-wəp-	1	0	8	0	0,00%	0,00%
помещение в пространстве : куда	DAT/0~LAT	nə- 'класть', loqo- 'вешать', xūlu- 'сыпать, лить', tə-, ū- , dō- (+caus) 'сидиться', il- (+caus) 'вставать'	25	12	111	81	32,43%	42,19%
бояться: чего	INS~ACC	ηələ-(či)-	13	0	22	6	0,00%	21,43%
смотреть: на что	ACC~LAT	iča-(žə)-	22	22	26	49	50,00%	65,33%
рожать: кого	DEST/ACC~ ACC	riktə- baqa- 'ребенка получать'	3	7	1	51	70,00%	98,08%
жениться: на ком	DEST/ACC ~ACC	asi-/ədiži- baqa-, gələ-, raŋsi-, gažo- , žara- 'жену/мужа получать, просить, спрашивать, приводить, брать'...	3	0	35	4	0,00%	10,26%
родить(ся): от кого	LOC~INS	riktə- baqa- 'родить ребенка', balži- 'родиться'	4	2	2	5	33,33%	71,43%

Данных по каждому глаголу немного, но по ним видно, что:

- глаголы ведут себя по-разному, не для всех есть основания подозревать русское влияние: те, для которых это так, помечены серым; те, для которых картина неясна, – светло-серым; те, для которых «русская» модель управления равно свойственна старшим и младшим носителям, – не закрашены;

- для тех глаголов, для которых русское влияние более очевидно, оно, тем не менее, невелико: отчетливого перехода на русскую модель не происходит;

- данные текстов подтверждают данные элицитации: из элицитированных глаголов употреблений с «русской моделью» не

нашлось только для ‘показывать’.

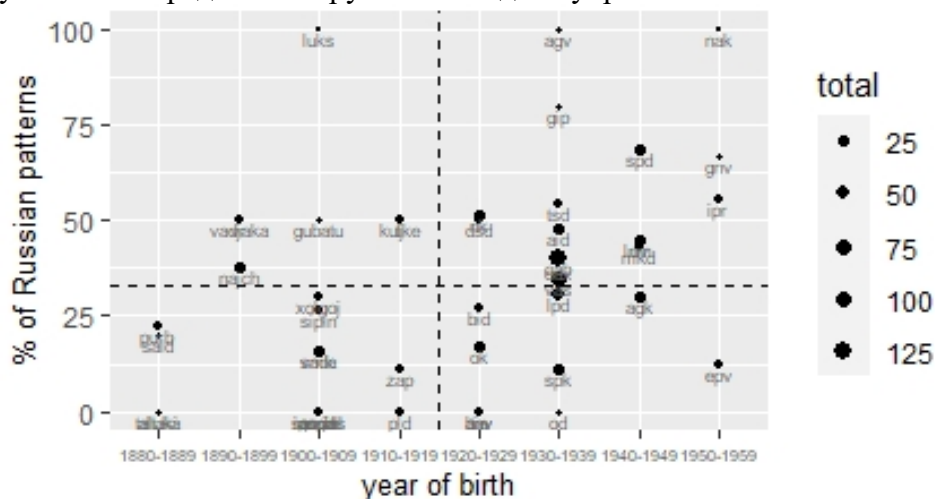
Таблица 6 суммирует данные по всем глаголам – тем, для которых изначально предполагалось русское влияние, и отдельно только тем, для которых оно по данным текстов кажется правдоподобным. В обоих случаях разница между старшими и младшими носителями по доле «русской» модели управления значима. В обоих случаях суммарная доля употреблений по русской модели меньше половины.

Таблица 6. Русская vs. тунгусская модель управления у старших и младших носителей

все:			точный двуст. критерий Фишера	подвыборка:			точный двуст. критерий Фишера
TUNG	все: RUS	% RUS		TUNG	ка: RUS	% RUS	
1880-1920	137	45	24,73%	p=0,0009	71	7	8,97%
1920-1959	353	217	38,07%		140	69	33,01%

Данные по отдельным носителям (для полной выборки) показаны на Рисунке 1.

Рисунок 1. Распределение «русской» модели управления по носителям

*каждая точка соответствует носителю, размер точки показывает количество употреблений от данного носителя

**вертикальная линия – условная граница между старшими и младшими носителями, горизонтальная – средний процент русской модели управления

Данные по отдельным носителям более хаотичны, но в целом укладываются в приведенную в Таблице 6 тенденцию.

4. Заключение

Рассмотренные данные позволяют дать следующие, предварительные, ответы на вопросы, поставленные в работе.

1) В ульчском языке есть случаи, которые с уверенностью можно отнести к копированию русской модели управления.

2) Однако не каждая модель управления, похожая на русскую, при более пристальном анализе оказывается результатом контактного влияния.

3) Нет заметных различий между данными элицитации и текстов. Копирование моделей управления в элицитированных данных можно было бы объяснить «межъязыковым праймингом» при переводе с русского на ульчский. Тот факт, что практически все «русские» модели управления, обнаруженные при элицитации, встречаются и в текстах, говорит о достаточной «надежности» элицитированных данных: если прайминг и есть, то не очень сильный. Обнаруженное в них копирование русской модели можно считать фактом языковой системы – в той степени, в какой можно говорить о стабильной системе в условиях языкового сдвига и очень небольшого количества носителей.

4) Влияние русской системы на ульчскую значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Дело, видимо, в том, что контакт с русским языком в данном случае хотя и очень интенсивный, но строго асимметричный и очень непродолжительный. Можно сказать, что русский язык сменяет ульчский, практически не успев повлиять на его систему.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CONNEG — конегатив; DAT — датив; DEST — дестинатив; EMPH — эмфаза; FUT — будущее время; INS — инструменталис; ITER — итератив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Библиография

Герасимова 2002 – Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // *Языки Коренных народов Сибири*. 2002. № 12. С. 246–257.

Петрова 1936 – Петрова Т. И. *Ульчский диалект нанайского языка*. М.–Л.: Гос. уч.-пед. изд., 1936.

Сумбатова, Гусев 2016 – Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык // Михальченко В. Ю. (гл. ред.). *Язык и общество. Энциклопедия*. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.

Суник 1985 – Суник О. П. *Ульчский язык: исследования и материалы*. Л.: Наука, 1985.

Comrie et al. 2010 – Comrie B., Haspelmath M., Malchukov A. Questionnaire on ditransitive constructions // Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 65–73.

Grenoble 2000 – Grenoble L. A. Morphosyntactic change: the impact of Russian on Evenki // Gilbers D., Nerbonne J., Schaeken J. (Eds.) *Languages in contact*. (Studies in Slavic and General Linguistics, 28.) Amsterdam–Atlanta, GA: Rodopi, 2000. Pp. 105–120.

Grosjean 1989 – Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // *Brain and Language*. 1989. № 36. Pp. 3–15.

Grosjean 2001 – Grosjean F. The bilingual's language modes // Nicol J. (ed.). *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing*. Cambridge, MA: Blackwell, 2001. Pp. 1–22.

Loebell, Bock 2003 – Loebell H., Bock K. Structural priming across languages // *Linguistics*. 2003. № 41. Pp. 791–824.

Malchukov 2003 – Malchukov A. L. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective // Ureland P.S. (ed.). *Studies in Euroringuistics. Vol. 1 Convergence and divergence of European languages*. Berlin: Logos Verlag, 2003. Pp. 235–251.

Mougeon et al. 2005 – Mougeon R., Nadasdi T., Rehner K. Contact-induced linguistic innovations on the continuum of language use: The case of French in Ontario // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2005. № 8. Vol. 2. Pp. 99–115.

Paradis 1993 – Paradis M. Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of "interference" in bilingual speakers: The activation threshold hy-

pothesis // *International Journal of Psycholinguistics*. 1993. № 9. Vol. 2. Pp. 133–145.

Poplack 2021 – Poplack Sh. A variationist perspective on language contact // Adamou E., Matras Y. (eds.). *The Routledge Handbook of Language Contact*. London–New York: Routledge, 2021. Pp. 46–62.

Poplack, Levey 2010 – Poplack Sh., Levey S. Contact-induced grammatical change: A cautionary tale // Auer P., Schmidt J. E. (eds.). *Language and space: An international handbook of linguistic variation. Volume 1: Theories and Methods*. Berlin–New York: Mouton De Gruyter, 2010. Pp. 391–419.

Sakel 2007 – Sakel J. Types of loan: Matter and pattern // Matras Y., Sakel J. (eds.). *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. Pp. 15–30.

Say 2020 – Say S. (ed.) *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Available online at <https://www.bivaltyp.info>, Accessed on 21 January 2021.)

Shagal 2013 – Shagal K. Nanai argument structure: Russian influence // *ESUKA – JEFUL*. 2013. № 4–2. Pp. 117–130.

Thomason 2009 – Thomason S. G. Why universals versus contact-induced change // Filppula M., Klemola J., Paulasto H. (eds.). *Vernacular Universals and Language Contacts: Evidence from Varieties of English and Beyond*. London: Routledge, 2009. Pp. 349–364.